

Юлия
Дитрих

Подражательница

Юлия Дитрих
Подражательница

«Автор»

2026

Дитрих Ю.

Подражательница / Ю. Дитрих — «Автор», 2026

Иногда нас ломают не трагедии. Нас ломают разочарования. Много лет назад Мария совершила сделку, которая должна была подарить ей свободу. Она продала что-то очень личное. Молодая и упрямая, тогда она и не подозревала, что продала часть самой себя. В тихом реабилитационном центре, вдали от Нью-Йорка, Марии предстоит заново собрать свою жизнь по осколкам, разобраться в сложной любви к женщине, которая одновременно была её кумиром и предательницей, и ответить на главный вопрос: кто она без чужих ожиданий, чужой славы и чужого голоса? И, возможно, впервые за долгое время рядом окажется человек, который увидит в ней не чужую тень, не сломанную женщину и не историю болезни, а её саму. История о том, что самые тяжёлые потери происходят не тогда, когда у нас что-то отнимают, а тогда, когда мы сами перестаём верить в собственную ценность.

© Дитрих Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпилог*	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Дитрих

Подражательница

Эпилог*

«Международный бестселлер слишком сухое определение для такой книги, как эта. Будь я автором, после выхода этого произведения, я бы со спокойной душой отправился на покой».

Bookman at criticize.com

«Держите в руках эту книгу? Вам предстоит бессонная ночь. Не сможете выпустить историю из рук, пока не прочтёте. Мы всей редакцией завидуем. Ведь вам еще только предстоит прочтение одной из лучших книг современности».

Нью Йорк Таймс

«Я закрыла книгу и не могла даже вздохнуть. Всё так реально, будто происходило со мной. Я никогда не была на месте главной героини, но теперь я знаю, что это такое. У меня нет слов просто нет слов»

Валетта Турин

«Умная, прекрасная и бесконечно грустная история. Время и женщина, только они две пытаются рассудить свой бесконечный конфликт. Я влюбилась в эту книгу с первой страницы. Теперь же мне нужно время, чтобы забиться в уголок и подумать о жизни и о времени».

Элен Даррей

Автор книги «Жизнь под камнем»

«Как человек хорошо знакомый с автором, беру на себя смелость заявить: «Дорогая, это твой *opus capita*. Никто не ждал, что новая книга будет так грандиозна. Ты сумела в очередной раз нас удивить. Лёгкого пера тебе!»

Зита Ван Крааль, подруга и вечная поклонница автора

«Рассказ пронизанный одновременно тоской и светом. История о разочаровании и том, как оно ставит человека на колени и как из разочарования рождаются совершенно новые чувства. История одной души, которая подобно Фениксу, вот-вот, может быть уже завтра, воспрянет из пепла».

Л. Дюйерс

Эта женщина всегда умела писать. Со страниц книги говорит ее душа. Мысли идут изнутри, от сердца, и никто никогда этого не изменит. Книга в ваших руках лучшее, что она написала, но не лучшее из того, что она ещё напишет. Как странно и необычно распоряжается нами, писателями, судьба. Когда уже кажется, что планка достигла своей верхней отметки, вдруг приходит кто-то настолько талантливый, что что все наши старания, все наши самые большие надежды оказываются ему по колено. Именно в этот момент планка возносится так высоко, что мы, не то что не можем её достать, мы даже не можем её разглядеть

Аноним

* *Вы внимательны, но это не ошибка. Роман начинается именно с эпилога.*

Глава 1

Первая мысль в моей голове: *Где я? Что со мной?*

Словно в шаблонном романе я просыпаюсь в незнакомом месте, не понимая, где я и почему. На задворках сознания ощущение, что я попала в какой-то незнакомый чужой мир или же другую галактику. Пытаюсь разлепить опухшие веки. Глаза слиплись наглухо, а голова гудит так, будто через уши насажена на высоковольтные провода. Страшно болит горло, не сглотнуть, а в желудке царит вялая гнетущая пустота. Вокруг резко пахнет больницей.

Больницей? Что, чёрт возьми, случилось?

Страх я не чувствую, только сильную усталость.

Вселенскую усталость.

- А, вот вы и очнулись, прекрасно-прекрасно. Все будет хорошо, дорогая, не волнуйтесь, - нараспев заговорил надо мной приятный женский голос. - Погодите, милая, сейчас я промою вам глазки, и вы сможете их открыть.

Я почувствовала на веках тёплое влажное прикосновение. Струйки воды побежали по вискам. И о чудо, глаза наконец разлепились. Надо мной склонилось круглое румяное лицо. Женщина в голубом медицинском халате мягко улыбалась мне.

- Ну вот, так-то лучше, - проговорила она.

- Я в больнице? Что случилось? – неожиданно громко и хрипло прокаркала я. Медсестра смутилась, и быстро проговорила:

- Сейчас позову доктора, он всё объяснит.

Она уже повернулась, чтобы выйти из палаты, но вдруг передумала. Вернулась к кровати и взяла меня за руку. Ощущения от этого прикосновения были приятными, но странными. Моя рука казалась удивительно далекой. Словно я лежала здесь в кровати, а моя рука тянулась через длинный больничный коридор и холодная ладонь находилась где-то в другом крыле больницы. Там на другом конце коридора я почувствовала тепло ладони медсестры, а здесь в палате слышала её шепот.

- Все будет хорошо, милая. Тебе просто нужно немного отдохнуть.

Она ничего не добавила и вышла. Я закрыла глаза и попыталась понять, что же со мной случилось. Пошевелила пальцами ног, поелозила в кровати. Вроде ничего не сломано, ноги-руки работают, пальцы шевелятся. Но тем не менее со сной что-то не так. От малейшего движения накатывают тошнота и головокружение. «Не авария?» заключила я. – «Тогда что?». В левой руке канюля – длинная прозрачная трубка капельницы убегает куда-то вверх, за голову. Я подняла не занятую капельницей руку и пощупала голову в том месте, где болело. На затылке ощущалась приличных размеров шишка.

На меня что напали? Но кто? Почему? И почему я ничего не помню?

- Добрый вечер, Мария, - прозвучал мужской голос, и в моей фантазии всплыла картина тёмно-синего бархата.

Это хорошо, что мой мозг всё еще работает в обычном режиме, в нём всплывают картинки. Голос, который я слышу, глубокий, значительный. Говорит человек, который привык, что его слушают. Он не спешит со словами, не бежит и не предлагает себя всем подряд. Каждый произнесённый им звук имеет свой вес, свою цену. А потому раздаётся всё это добро с особой осторожностью. Буква «Р» в моем имени выпуклая, трёхмерная. Получается что-то вроде: «МаРРия». От этого имя звучит интимно, словно мы с говорящим давно знаем друг друга. Медленно я поворачиваю голову и вбираю взглядом внушительную фигуру. Седой, величавый, ростом под два метра, доктор возвышался над моей кроватью и вытеснял из помещения весь воздух.

Какой фактурный персонаж!

Воспитание диктовало свои правила, я поздоровалась.

- Добрый вечер, доктор?

- Доктор Смит.

Я хмыкнула. Шаблоны этой неожиданной истории никак не желали заканчиваться. Черные и мохнатые брови доктора Смита показали мне, что он искренне недоумевает о причинах моего веселья. Я старательно сложила лицо в вежливую мину и спросила:

- Что со мной случилось, доктор?

Брови доктора были разговорчивее владельца. Они задумчиво сдвинулись на переносицу. Мистер Смит придвинул к кровати пластиковый стул и сел на него. Для такой внушительной фигуры движения доктора были плавными и грациозными. Он поддёрнул штанину и сложил ногу на ногу, словно собирался провести возле кровати не один час. Как я заметила, здесь никто не спешил с объяснениями. Я почувствовала, как сердце начинает болезненно сжиматься: «Что со мной?»

Вдруг захотелось трагическим, киношным голосом с придыханием спросить: «Доктор, прошу вас, не молчите. Сколько мне осталось?» И если бы я так не волновалась, я бы усмехнулась ещё одному шаблону.

В результате доктор сдался и произнёс:

- Ма(Р)ия, что последнее вы помните? – спросил он.

Я задумалась.

Я помнила как гуляла в парке с Бомбой. Помнила солнечное тёплое утро. Запах кофе и кардамона. Веселый гомон посетителей парка.

- Какой сегодня день? – спросила я.

- Суббота. - Доктор мельком взглянул на, чёрт побери, мою излишнюю наблюдательность, недешевые часы, и добавил, - Через семь минут наступит воскресенье.

Потом подумал еще чуть-чуть. Брови у доктора Смита несимметричные, одна выше другой. Более высокая бровь вдруг опустилась к переносице, и с явным сомнением в голосе доктор добавил:

- Тридцатое марта, если зайти так далеко.

- Так далеко, нет нужды, успокоила я доктора.

Субботу тридцатое марта я помнила. Воскресенье наступит через семь минут, и я не помнила часов двенадцать своей жизни.

Итак, задумалась я, глядя в чистый больничный потолок: Куда же делись двенадцать часов?

Субботним утром я проснулась. Погода была солнечной, и я повела свою старушку, в парк. По пути мы зашли в «Петит Пари» и прихватили для меня стаканчик латте с кардамоном и круасан. Бомба бодро семенила чуть позади и я, пользуясь ее на редкость прекрасным расположением духа, почти часа таскала ее туда-сюда по дорожкам парка. Наконец коротышка утомилась. Я почувствовала, как она натягивает поводок. Мы присели на скамейку. Вернее, я на скамейку, Бомба же прилегла в тень у меня в ногах. Я погладила мягкую рыжую маковку.

- Ты сегодня молодец, Бом. Так много прошла.

Бом высунула язык и мелко старательно кивала головой. Эта привычка появилась у неё недавно. Когда я к ней обращалась, она отвечала мне проникновенным взглядом влажных глаз и мелко кивала головой. Я не знала, что об этом думать. Хотя, что тут долго гадать, наверно, это возраст.

- Хорошая девочка. Сегодня получишь паштета, – неожиданно для самой себя решила я на невиданное поощрение толстушки.

Дело в том, что если бы Бом была человеком, то ела бы она исключительно фуагра и померла бы года четыре назад от ожирения. Я же сопротивлялась такому невзрачному сцена-

рию, зорко следила за собачьим рационом–моционом. Именно потому, не фуагра, конечно, а диетический паштет из мяса птицы, был редким исключением в меню моей любимицы. Праздник на ее улице случался лишь в такие дни как сегодняшний, когда моя голубка совершала экстра милю.

Итак, где-то до полдвенадцатого мы гуляли. Что же было потом?

В горле сухо, как в пустыне. Голова раскалывалась, и я подумывала, чтобы попросить дать мне обезболивающее. Но доктор терпеливо ждал, еле заметно покачивая носком ботинка, и это значило, что он все ещё надеется найти вместе со мной потерянный кусок времени. Словно комод ящик за ящиком я мысленно обыскивала свою голову. Содержание тех ящичков, что были полными, высыпала на пол и тщательно просматривала. Но всё, что было после прогулки в парке, ускользало от меня. Этот ящик был пуст, я трясла его, стучала по дну с обеих сторон. Ничего. Я повернула голову к доктору Смигу.

- Я не помню ничего, начиная с полудня, призналась я и сама удивилась.

Глава 2

Я понятия не имела, сколько было времени, когда я проснулась. Судя по звукам города, могло быть и два ночи и пять утра. Я лежала, раздумывая над тем, что мне сказал доктор. Кустистые брови выражали заботу. Таких чертовски выразительных бровей я в своей жизни ещё не встречала. Был бы доктор лет на тридцать моложе, я бы позволила себе влюбиться в эти брови. Или сочинила бы в их честь новеллу.

- Вы поступили к нам с передозировкой медицинских препаратов, Ма(р-р)ия.

Вот тут я уже полностью отвлеклась от бровей и ослобенело уставилась на мужчину. Мне хотелось рассмеяться. «Хорошая шутка, доктор!» пронеслось большими неоновыми буквами где-то на чёрном фоне в моей голове. Только вот строгие и чуть грустные глаза доктора говорили мне, что никакая это не шутка. Трактую моё замешательство как-то по-своему, доктор тихо добавил:

- Вы пытались отравиться, Ма(р-р)ия.

На этот раз я не выдержала. То, что доктор Смит назвал все языком человеческим, перевернуло что-то внутри меня, и я запротестовала:

- Нет, доктор! Зачем мне это? Я не могла!

Немой вопрос вспыхнул в моей раскалывающейся голове: «Не могла? Откуда такая уверенность?». Пришлось признать себе, что не было у меня уверенности. Но чтобы я решила отравиться сама мысль казалась кошунственной.

- А шишка доктор? Откуда у меня на затылке шишка? – нашла я стойкий аргумент против этой смехотворной теории.

Ну, ведь правда, если я пыталась отравиться, то что ударило меня по голове? Или кто?

- Не считаете же вы, доктор, что я попыталась сама себя оглушить?

- Нет, Ма(р-р)ия, я, конечно, так не считаю. Вероятнее всего, вы упали и ушиблись.

Упала... Тут я совсем растерялась.

Я попыталась отравить себя, судя по всему, неудачно. Потом каким-то образом упала и ушибла голову, но всё это не могло произойти без причины. И самым неприглядным во всей этой ситуации было то, что меня подводила собственная память. Я пыталась вспомнить хоть какие-то кусочки мозаики. Хоть что-то, из чего можно сложить картину произошедшего, хоть малейший отдельный фрагмент. Ответом на все мои запросы была пустота.

Ничего. Я помнила НИЧЕГО.

Дурдом какой-то!

От усилий вспомнить голова разболелась ещё больше. Доктор, видя, как я массирую руками виски, сказал:

- Попробуйте сейчас ничего не вспоминать. Отпустите. Чем меньше вы будете стараться, тем быстрее память восстановится. Вы испытали стресс и этим обусловлена краткосрочная потеря памяти. У вас нет никаких нарушений, которые могли бы говорить о сложных повреждениях нервной системы. У вас промыт желудок и, очевидно, побаливает гематома в затылочной части головы. Всё, о чем вам стоит сейчас беспокоиться, это чтобы дать организму отдохнуть, поспать и восстановиться. Завтра наступит новый день, и вы успеете обо всем подумать.

Доктор Смит говорил спокойно без нажима. Его монолог звучал как «на твоём месте я бы сделал следующее». Мне импонировал этот уверенный в себе старикан. А ещё я чувствовала себя смертельно уставшей. Именно поэтому я решила последовать мудрому совету:

- Хорошо, доктор, я постараюсь поспать. Можно мне что-нибудь от головы?

Доктор коротко кивнул головой и вышел. Через минуту румяная сестра принесла мне таблетку и пластиковый стаканчик с водой.

Я лежала несколько минут, поджидая пока отступит боль. Потом несмотря на всё моё желание вспомнить всё сейчас и сегодня, все вопросы отступили куда-то в тёмные уголки палаты. Они притаились там, в тени. Я знала, что это временное перемирие. Перемирие, которое посоветовал мудрый доктор, с говорящими бровями и красивыми блестящими часами с которых я, не знаю как, потеряла пол дня своей жизни, и где потеряла я тоже не знаю.

Глава 3

И вот, когда я проснулась внезапно не то в пять, не то в три часа ночи, я даже еще толком не осознала, что просыпаюсь, как уже точно знала, что со мной случилось что-то очень плохое. Я снова в той же больничной койке, но в этот раз я точно знала, что случилось со мной в эти двенадцать потерянных часов.

Я лежала и изо всех сил старалась унять сумасшедше стучащее сердце. Оно никак не успокаивалось. Лежать было страшно и больно, казалось, что грудная клетка вот-вот разорвется. Я села. Палата одичалой каруселью вращалась вокруг меня. Вуух! Вуух! Ввуух! Крутилось колесо. Больничная хлопчатобумажная рубашка прилипла на спине, по затылку текли холодные струйки пота. Да у меня приступ паники, вдруг поняла я.

И отчего-то именно эта мысль меня немного успокоила. Это показалось мне нормальным. Это ведь нормально испытывать панику, когда ты открываешь, что пыталась и, слава богу неудачно, отравиться.

Доктор Смит прав - Ма(р-р)ия пыталась отравиться. Чёрт тебя подери, Ма(р-р)ия!

То, что было понятно моему лечащему врачу ещё несколько часов назад, стало вдруг передо мной словно глухая кирпичная стена. Я уперлась лбом в этот странный твердый факт и не могла решить, что же мне теперь с этим делать. А что люди обычно делают с такими фактами? Я сидела, испытывая на собственной шкуре последствия приступа паники. Мурашки волнами пробегают по спине. Сердце болезненно наливается кровью. И не понять, то ли оно работает медленнее чем положено, то ли быстрее.

В результате я решила использовать технику, которой когда-то давно меня нацтила мама. Я словно слышала её голос:

- Детка, отойди от мысленной стены. Иди, иди,иди.... пока не увидишь, что не такая уж она и высокая, как тебе казалось вначале. Видишь?

Я киваю. Вижу.

- Не такая уж она и широкая. Видишь.

И это вижу.

- Когда стоишь вплитык к стене, когда буквально упираешься в неё лбом, сложно осознать, с чем имеешь дело. Теперь ты это видишь, милая?

Я видела. И я успокаивалась. Итак, я пыталась покончить собой. Всё было конечно не совсем так. Не так просто, по крайней мере

А бывает ли просто с самоубийством. Это, вообще, ещё тот вопрос.

Сначала я просто хотела успокоиться. Потом мне показалось, что я хочу заснуть и забыть обо всем. Ненадолго. Хоть на чуть-чуть. Так я приняла две голубые пилюльки, потом еще две. А потом...

От моих размышлений меня отвлек шум. В коридоре за дверью возле палаты кто-то спорил громким шепотом. Я только успела подумать о том, какой может быть смысл в шёпоте, который слышно на весь коридор, как в палату влетела Зи. За ней с выражением полной беспомощности на сероватом лице следовала высокая и худосочная медсестра. Она развела руками и вяло продолжала спорить в спину моей лучшей подруге. Зельда игнорировала медсестру и на всех парах приближалась к кровати. Я приподнялась на локтях, чтобы локомотив Зи не переехал меня, таким целенаправленным и непоколебимым казался её ход.

- Как ты? – запросила моя ночная посетительница самым несчастным голосом, который только можно себе представить.

Зи ухватила стул, на котором прежде сидели доктор Смит и его брови. Я признаться впервые в жизни не знала, как ответить на вопрос подруги. Никогда прежде я не задумывалась о том, как продать ей ту или иную ситуацию. Единственным вариантом для нас всегда была

правда. Но для всего есть свой первый раз, и я задумалась, как бы поаккуратнее объяснить произошедшее.

Медсестра, осознав тщетность своих попыток, ретировалась за дверь. За обернула и проворчала под нос:

- Эта чёртова Твигги не хотела меня пускать! Ночь, видишь ли.

Я молчала, Зи сидела на стуле и пыталась рассмотреть что-то на моём лице. В глазах у неё стояли слезы. Она не моргала, и её зелёные глаза по-кошачьи таинственно мерцали в мягком свете прикроватного ночника.

Я протянула к ней руку:

- Зи, не расстраивайся. Я окей.

Она неожиданно громко всхлипнула. И если до этого их с медсестрой шёпот казался мне шумным, то всхлип, как мне показалось, прогремел на всё спящее больничное крыло.

Мы не дружим с Зи с детских лет. Если бы нам посчастливилось встретиться в песочнице, то уверена, увидев эти сверкающие зелёные глаза, я бы немедленно отдала ей все свои игрушки. Всё во имя того, чтобы с ней подружиться.

Истории взрослых встреч более сдержанные. Когда я въехала в свою квартиру на Ботсвана бульвард, мы стали встречаться в лифте. Каждое утро она спускалась, чтобы забрать свой латте из Петит Парис. Судя по всему, вопрос латте для Зи был вопросом пунктуальности. Моим же регулятором пунктуальности была рыжеухая двухлетка корги - Бом. Поэтому в то же самое время я спускалась, чтобы сделать утреннюю пробежку в парке. Неделю-две, каждое утро мы обменивались вежливым улыбками. Зеркала лифта наблюдали за нашей игрой. Зи заводила небольшой вежливый разговор с Бом. Думаю, Бом уже считала эту невысокую хрупкую брюнетку неотъемлемой частью нашего нового лифта. Но на момент знакомства мы с Зи были уже обе вполне зрелыми Нью-Йоркскими женщинами, и дружбу заводить не спешили.

Позже, когда мы с Зи сблизились, меня поразило её почти отсутствующее представлением о границах личного пространства. Как хорошо, что даже когда большая часть твоей жизни рассыпается, и почва под ногами становится шаткой, некоторые вещи остаются незыблемыми. Они держат тебя как три кита на своих мощных спинах, давая уверенность хоть в чем-то. Вот и Зи протянула руку, увешанную дюжиной тонких цветных браслетов и выключила ночник. Потом скинула ботинки и улеглась рядом со мной на кровать. В больничной палате было достаточно светло, чтобы я могла видеть её лицо. Свет уличных фонарей разливался по полу и потолку. Мы повернулись друг к другу и молча лежали, держась за руки.

Доктор Смит сказал, что Зи меня нашла. И что нашла она меня вовремя.

Уже потом, когда я вспомнила, что произошло со мной, я вспомнила, что написала Зи. «Бом умерла. Прошу, поедем со мной на кладбище. Одна я не могу». Зи была на работе. Она примчалась, как только смогла. Смогла прийти вовремя. «Сколько людей приходят вовремя?» - задавалась я вопросом. От этой мысли становилось тревожно. Какое всё же ответственное это слово - **ВОВРЕМЯ**.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.